

В Имперской военной академии тоже проводилась военная подготовка. Правда, в отличие от простых построений в строю, здесь, где собрались крепкие как камень альфы, упор делался на развитие боевых навыков.

Курс был рассчитан на четырнадцать дней: десять из них отводилось на тренировки, а последние четыре — на проверку усвоенного материала. По итогам этих испытаний курсантов распределяли по классам.

По сюжету злодей попадал в класс А. Поскольку там же учился Вэй Цзя, Се Жун был обязан оказаться в том же классе. Черт знает, как два омеги вообще туда попали — возможно, у Вэй Цзя был прописан сюжетный бонус главного героя, но у Се Жуна его не было. Ему нужно было попасть в класс А, чтобы следовать сценарию.

В этом мире он был мелким злодеем, который в начале истории всех раздражал. Он постоянно задирали Цзун Чихуая, ненавидя этого дикого и наглого альфу, и именно из-за этой ненависти, когда позже Вэй Цзя оказался под защитой Цзун Чихуая, Се Жун, движимый принципом бей своих, чтобы чужие боялись, начал травить Вэй Цзя.

Ему достаточно было пройти через основные сюжетные точки, чтобы потом сойти со сцены и спокойно наслаждаться жизнью в этом маленьком мирке. Дожить до старости — и дело в шляпе. Конечно, если бы концовка злодея подразумевала смерть, Се Жуну пришлось бы покинуть мир и готовиться к следующему заданию.

Как и в этом случае: по сценарию истинная сущность омеги открывалась, вызывая насмешки и презрение окружающих, что приводило к позорному отчислению. Это должно было стать контрастным фоном для того, как люди отреагируют, когда позже раскроется личность Вэй Цзя. Такие роли злодеев были довольно востребованы, и система 606, когда вытянула эту карту, очень хвалила свою удачливость.

Но бывали и тяжелые моменты. Например, сейчас.

Слушая перечень тренировочных упражнений от инструктора Лю, Се Жун позеленел, а его миндалевидные глаза превратились в рыбы. Двадцать кругов бега с десяти килограммовым рюкзаком — это же верная смерть! Еще более ошеломляло то, что это была лишь разминка. После нее их ждали штурм песчаных дюн, рукопашный бой, силовые тренировки с отягощением и прочее.

Се Жун, у которого руки дрожали после тридцати отжиманий, подумал: «Это конец».

Перед ними лежали черные компрессионные рюкзаки весом около тридцати килограммов. Инструктор Лю отдал приказ:

— Начать бег с отягощением!

Курсанты тут же бросились врассыпную, хватая рюкзаки. Среди них царила жесткая

конкуренция: в Имперскую военную академию слабые не попадали, и каждый втайне старался превзойти остальных.

Больше всего внимания в этом потоке привлекал молодой господин из семьи Цзун — Цзун Чихуай. Он был одет в черно-золотую тренировочную форму, небрежно сдул прядь волос, упавшую на глаза, и, ступая тяжелыми армейскими сапогами, подхватил рюкзак. Его длинные пальцы подбросили тридцатикилограммовый груз, а сам он, высокомерно вскинув брови, произнес:

— И это всё?

В глубине его черных зрачков плясали алые искры, а в поведении сквозили дерзость и наглость.

— Инструктор, это же слишком легко. Вы нас недооцениваете? Пятьдесят килограммов — вот это был бы разговор.

Пятьдесят килограммов...

Курсанты посмотрели на Цзун Чихуаю с немимым выражением: «Ну ты даешь, парень, ты крут, но не подставляй нас!». Их лица вытянулись. Пятьдесят килограммов они бы, конечно, унесли, но пробежать с таким весом двадцать кругов — задача не из легких.

Инструктор Лю обвел взглядом приунывших курсантов, затем посмотрел на не теряющего спеси Цзун Чихуаю, и на его суровом лице промелькнула усмешка. Он ответил:

— Раз так, выбирайте сами. Тридцать, пятьдесят или семьдесят килограммов. Главное — пробежать двадцать кругов, и утренняя тренировка будет засчитана. Есть возражения?

— Никак нет, инструктор!

Громче всех отозвался Цзун Чихуай. Он с усмешкой вздернул бровь, первым схватил семидесятикилограммовый рюкзак, закинул его на плечо и, развернувшись, сорвался с места. Юноша уже превращался в крепкого мужчину: длинные руки и ноги позволяли ему двигаться быстро, словно порыв ветра, или как свирепый леопард. Проносясь мимо Се Жуна, он вызывающе вскинул подбородок — Се Жун был уверен, что не ошибся в этом жесте.

Как только Цзун Чихуай побежал, остальные курсанты 32-го отделения, не желая отставать, стиснув зубы, потянулись за пятидесятикилограммовыми рюкзаками. Нашлись даже смельчаки, выбравшие семьдесят.

В этот момент многие перевели взгляды на Се Жуна. У юноши были приподнятые уголки глаз и утонченные черты лица, из-за чего он совсем не походил на грубого и прямолинейного альфу. Однако стоило ему встать, как от него начинала исходить свирепая аура. Даже молча, он казался острым клинком, и одного его взгляда было достаточно, чтобы в других альфах проснулся боевой азарт. В этом потоке, помимо Цзун Чихуаю, только Се Жун мог считаться соперником, от которого исходила мощная угроза. Многие втайне гадали, сойдутся ли они в схватке.

Под пристальными взглядами Се Жун наконец сдвинулся с места. Его аура была настолько сильной, что каждый его шаг ощущался как невидимое давление. Перед ним стоял Вэй Цзя: он попытался поднять тридцатикилограммовый рюкзак, но его тонкие белые руки даже не смогли сдвинуть его с места, а лицо от натуги покраснело. Курсанты рядом смотрели на него с недоумением, и Вэй Цзя, чувствуя стыд и страх, крепко сжал штаны, не зная, что делать. В этот момент к нему подошел Се Жун. Юноша был невозмутим, и эта легкость заставила Вэй Цзя невольно прикусить губу.

Се Жун не обращал внимания на чужие мысли. Он опустил взгляд на три рюкзака. Вытянув длинные пальцы, под общими взглядами он, с самым свирепым выражением лица, выбрал семидесятикилограммовый баул. Подцепил его пальцами и дернул вверх!

—

Секунда, две... На глазах у всех рюкзак даже не шелохнулся. Се Жун вытаращил глаза, не веря в происходящее, и дернул еще пару раз, но лишь заработал боль в руках, не сдвинув ношу ни на миллиметр.

— Жун-Жун, мы же омеги, нам не поднять такой вес. Давай выберем другой? К тому же, до этого ты был обычным человеком, неудивительно, что не тянешь семьдесят килограммов, — 606 пыталось вразумить своего амбициозного подопечного.

Даже зная, что у него руки дрожат от тридцати отжиманий, Се Жун не оставлял попыток покорить семидесятикилограммовый рюкзак. 606 не выдержало и молча открыло системный магазин:

— Хозяин, у меня есть сыворотка для усиления физических данных. Возьмешь?

Се Жун отказался:

— Нет. Настоящий мужчина должен полагаться только на себя.

Он дергал рюкзак снова и снова, но тот оставался неподвижен, что привлекло всеобщее внимание. Инструктор Лю с недоумением спросил:

— Се Жун, почему ты стоишь?

Курсанты, ожидавшие, когда же он поднимет груз, согласно закивали. Пока инструктор не смотрел, в их мысленном чате закипело обсуждение:

— Это что, новая техника подъема? Может, так тренируют силу рук?

— !! Неужели?! У великих мастеров всегда есть свои секреты.

— Мужчина, который сразу берется за семьдесят килограммов — разве не маньяк?

В общем, все были уверены, что у такого мастера есть веская причина. Даже инструктор Лю

начал сомневаться, не готовит ли Се Жун какой-то козырь, как вдруг тот обернулся с непроницаемым лицом.

С самым свирепым видом он произнес самые трусливые слова:

— Инструктор, я просто не могу его поднять.

Инструктор Лю, ожидавший великого приема: ...???

Курсанты: ...Оказалось, причина всё-таки была.

Они во все глаза наблюдали, как Се Жун выпустил из рук семидесятикилограммовый рюкзак, попытался поднять пятидесятикилограммовый — тот привычно не сдвинулся, — а затем, не теряя надежды, взялся за тридцатикилограммовый.

В конце концов, они услышали просьбу Се Жуна:

— Слишком тяжело. Инструктор, а есть десяти килограммовые рюкзаки?

Инструктор Лю и все присутствующие курсанты:

—

Да ты же, черт возьми, просто новичок!

<http://bllate.org/book/20543/2051002>